

Павлинье перо обронила заря
В остывшего озера лик темноокий.
Тамбовщина. Осень. Конец сентября.
Как ржавые лезвия, листья осоки.
Луны недокованный, тусклый бердыш
Опять занесен надо мной для удара,
Да глупая кроха — летучая мышь
Зачем-то раскинула крылья-радары.
Ах, если бы можно в охапку сгрести
И этот закат, и его отраженье,
Чтоб в теплую избу навек принести,
Не встретив совсем твоего возраженья.
И руки испачкав в малиновый цвет,
И охрою бледные щеки измазав,
Забуть, что наутро наступит рассвет,
Что солнцу не будет, как людям, приказа.
А после упавшую в невод звезду
Подвесить в углу вместо старой лампадки.
Забуть про корысть. И не требовать мзду.
И рыбой не биться в последнем припадке.
А просто курить, протирая стволы,
На шомпол нанизывать дымные кольца
И думать, как люди ничтожно малы,
Коль нет за закатом прийти добровольца.

Гроза, как матом, громом жახнет!
Как будто я тому виной.
И сразу свежестью запахнет,
Полынью горькою степной.

И дождик, как юнец, вприпрыжку
Промчится лихо по селу,
И снова я увижу вспышку,
Переходящую в стрелу.

Она, как выражение гнева,
Как направление беды.
Разит направо и налево
Совсем, порою, без нужды.

Она неистово-безумна,
Но так легко бывает мне
Глядеть сквозь шторы
Ночью шумной,
Как боги шутят в вышине.

* * *

Березу гонят на карандаши,
Орех — на сувенирные приклады.
Из веток можно строить шалаши,
Чтоб поджидать матерых у привады.

А можно сруб хозяину срубить,
В котором речь младенца отзовется,
И в жаркий полдень не спеша испить
Воды из деревянного колодца.

* * *

Русские печки, чудо-крылечки,
Ставни в резных петухах.
Как петухи, расписные словечки
Под непременно — «Ах!»

В горницах светлых
Лики бессмертных,
Млечное пламя лампад.
Здесь не бывает вечно инертных,
Что говорят невпопад.

Это осколки нашего века,
Все это сгнуло, но —
Нам, просвещенным горе-калекам,
Видеть порою дано.

Только в музеях, где ротозеев
Тоже не густо, но все ж,
Словно останки древней Помпеи,
Ты эти избы найдешь!

Слова чернее ворона
Порой слетают с уст,
На все четыре стороны
Навеивая грусть.

Кружатся и куражатся,
Как пьяная толпа.
А если уж привяжутся —
Тогда зови попа!

Крученые, верченые,
Летят во все концы
Веками прокопченные
Изгои-сорванцы.

Крепки, как водка русская,
И даже в смертный час
Спешат тропинкой узкою,
Оплакивая нас.

Слова эти не книжные.
В покое и нужде
И дальние, и ближние —
Их узнают везде.

Не каждый вслух отважится.
Но позабудь на миг —
И евнухом покажется
Отечества язык!